

СИМВОЛИЗМ И СИМВОЛИСТЫ

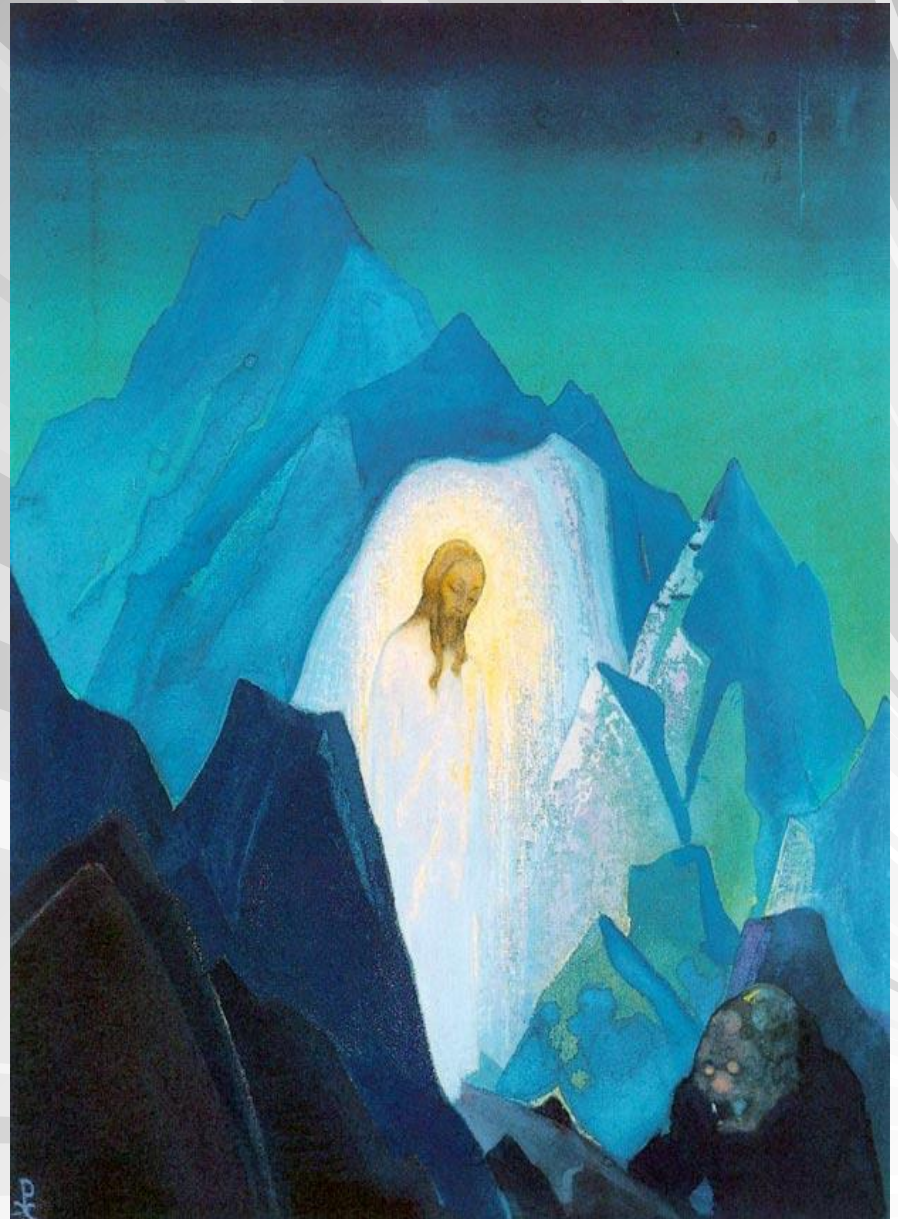

- *Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.
И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертания вдали...
И какие-то звуки вокруг раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.
Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор...
И сиянием прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.
А внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.
Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.*

- **СИМВОЛИЗМ**, направление в европейском и русском искусстве 1870-1910-х гг.; сосредоточено преимущественно на художественном выражении посредством символа интуитивно постигаемых сущностей и идей, смутных, часто изолированных чувств и видений. Философско-эстетические принципы символизма восходят к сочинениям А. Шопенгауэра, Э. Гартмана, Ф. Ницше, творчеству Р. Вагнера. Стремясь проникнуть в тайны бытия и сознания, узреть сквозь видимую реальность сверхвременную идеальную сущность мира ("от реального к реальнейшему") и его "нетленную", или трансцендентную, Красоту, символисты выразили неприятие буржуазности и позитивизма, тоску по духовной свободе, трагическое предчувствие мировых социально-исторических сдвигов. В России символизм нередко мыслился как "жизнетворчество" - сакральное действие, выходящее за пределы искусства. Основные представители символизма в литературе - П. Верлен, П. Валери, А. Рембо, С. Малларме, М. Метерлинк, А. А. Блок, А. Белый, Вяч. И. Иванов, Ф. К. Сологуб; в изобразительном искусстве: Э. Мунк, Г. Моро, М. К. Чюрленис, М. А. Врубель, В. Э. Борисов-Мусатов; близко к символизму творчество П. Гогена и мастеров группы "Наби", графика О. Бердсли, работы многих мастеров стиля "модерн". (Большой Энциклопедический Словарь)

- **ДЕКАДЕНТСТВО** (франц. *decadence*; от средневекового лат. *decadentia* - упадок), обозначение течения в литературе и искусстве кон. 19 - нач. 20 вв., характеризующегося оппозицией к общепринятой "мещанской" морали, культом красоты как самодовлеющей ценности, сопровождающимся нередко эстетизацией греха и порока, амбивалентными переживаниями отворачивания к жизни и утонченного наслаждения ею и т. д. (французские поэты Ш. Бодлер, П. Верлен, А. Рембо и др.; журнал "Декадент", 1886-89; см. Символизм). Понятие декаданса - одно из центральных в критике культуры Ф. Ницше, связывавшего декаданс с возрастанием роли интеллекта и ослаблением изначальных жизненных инстинктов, "воли к власти".
(Большой Энциклопедический Словарь)

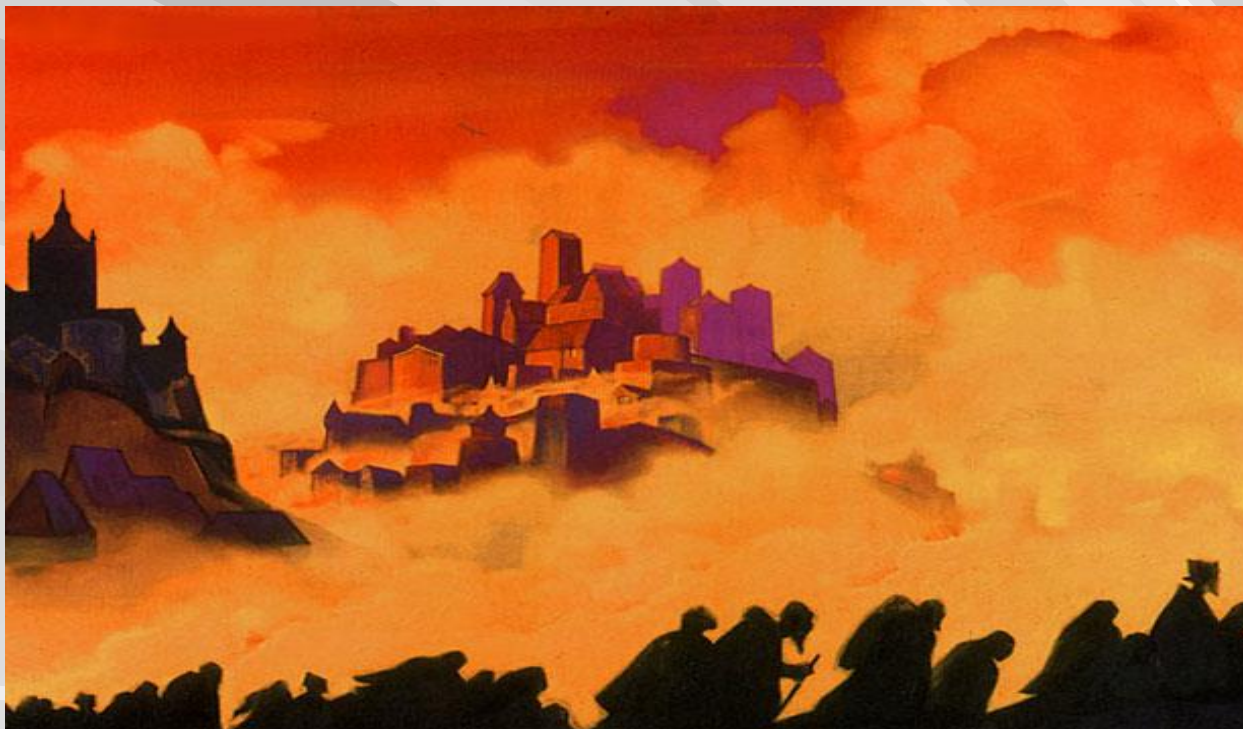
- **Символисты создали свой мир и отвергли существующую реальность. Этот мир без правил в последствии превратился в настоящую действительность. Искусство, жизнь по символизму – это театр, в котором каждый играет свои роли. Кажущиеся бессмысленными стихотворения, странные выходки молодых поэтов шокировали всех. Символистов рисовали “голыми лохмачами с лиловыми волосами и зеленым носом”. Психиатры утверждали, что новая поэзия – симптом вырождения человечества, авторы с нею связанные, не желают знать истинных проблем сегодняшней жизни, выдумывают свой, мало кому интересный мир. Наверное, они делали это потому, что мир реальный полон грязи, пошлости, предательства, из-за этого они словно совершают прорыв в свой новый мир, мир теней, образов и красок. Символистам присвоили кличку “декаденты” (“упадочники”). Думали их уязвить, а они сделали кличку своим вторым именем. С точки зрения символистов, этот “упадок”, значительно ценнее нормальной посредственности. Они не только писали “декадентские” стихи, но и намеренно вели “декадентский” образ жизни.**

- *Символистами называли себя и те, кто стремился к туманным намекам на неясный им самим смысл, и направлявшие мысль читателя по пути прихотливых ассоциаций, и претендовавшие на то, чтобы определить словами еще никем не познанную сущность Вселенной. В человеке же главное, по символизму, особая нервность, тяготение к мистическому познанию. Символисты стремились продемонстрировать обостренную чувствительность, непонятные обычному человеку переживания, неожиданные видения. Символисты описывают мир духов, доступный спиритам. Символизм – это игра со светом и тенью. Вера в то, что помимо мира видимого, реального, существует другой – невидимый, сверхъестественный; вера в возможность человека общаться с этим миром. Символизм – это разрыв границ и прорыв в будущее, а вместе с тем и в прошлое, прорыв в иное измерение. Три главных элемента нового искусства, считают символисты, – мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности.*

Символизм иногда называют “религиозным” . Религиозность, однако, понимается максимально широко – это не только православие, но и иные вероисповедания и религиозные искания: от народных, сектантских, до рассудочных конструкций высокообразованных людей.

И Ветхий и Новый Завет, считали петербургские символисты, уже исчерпаны. Человечество должно перешагнуть в царство, предсказанное Апокалипсисом. И они старались показать современному православию новый путь – Третьего Завета.

- *Символ принципиально неоднозначен и не воспринимаем на логическом уровне. Он не дает точного знания о своем содержании, но лишь в большей или меньшей мере намекает на него. Символы не говорят, но "подмигивают" и "кивают". Они "кивают" о действительно переживаемом, о творимом, о третьем, о царстве "символа". Символ - это нечто внешнее, надежно укрывающее внутреннее и защищающее его от непосвященных: "Идеология шлема и бронировки" - это идеология символического мышления. Сокрытие и защита, однако, - не главная функция символа, но скорее необходимость, вытекающая из принципиальной трудновыразимости его внутреннего содержания. Главная же его задача, конечно, позитивная - открывать тайну тем, кто способен ее понять. "... символ окно в Вечность".*

Валерий Яковлевич Брюсов

- *В истории русской литературы Брюсов навсегда остался открывателем новых путей, “искателем смутного рая”, великолепным мастером стиха, доказавшим, что поэт может передать все многообразие человеческих страстей, все “сокровища”, заложенные в чувстве.*
- *Брюсовым создан собственный стиль – звучный, чеканный, живописный. Для него характерно разнообразие форм, их неустанный поиск, стремление обнять в своем творчестве все времена и страны. Брюсов ввел в русскую поэзию образ современного большого города с его людскими толпами и огнями реклам. Брюсову всегда была близка общественно-гражданская тема. Труд, творческие возможности человека, подчиняющего своей воле силы природы, – один из важнейших мотивов поэзии Брюсова. Для Брюсова характерна поэзия намеков.*

- *В. Я. Брюсову по праву принадлежит одно из ведущих мест в истории русского символизма. Он — вдохновитель и инициатор первого коллективного выступления "новых" поэтов (сборники "Русские символисты", 1894 — 1895), один из руководителей издательства "Скорпион" и журнала "Весы", объединявших в 1890-е годы основные силы символизма, теоретик "нового" направления и активный участник всех внутрисимволистских полемик и дискуссий. Длинный черный наглухо застегнутый сюртук, крахмальный воротничок, по-наполеоновски скрещенные на груди руки — такими скупыми штрихами Брюсов создавал свой образ "кормщика", "полководца и завоевателя русского символизма", "законодателя вкусов", "пророка" и "мага".*

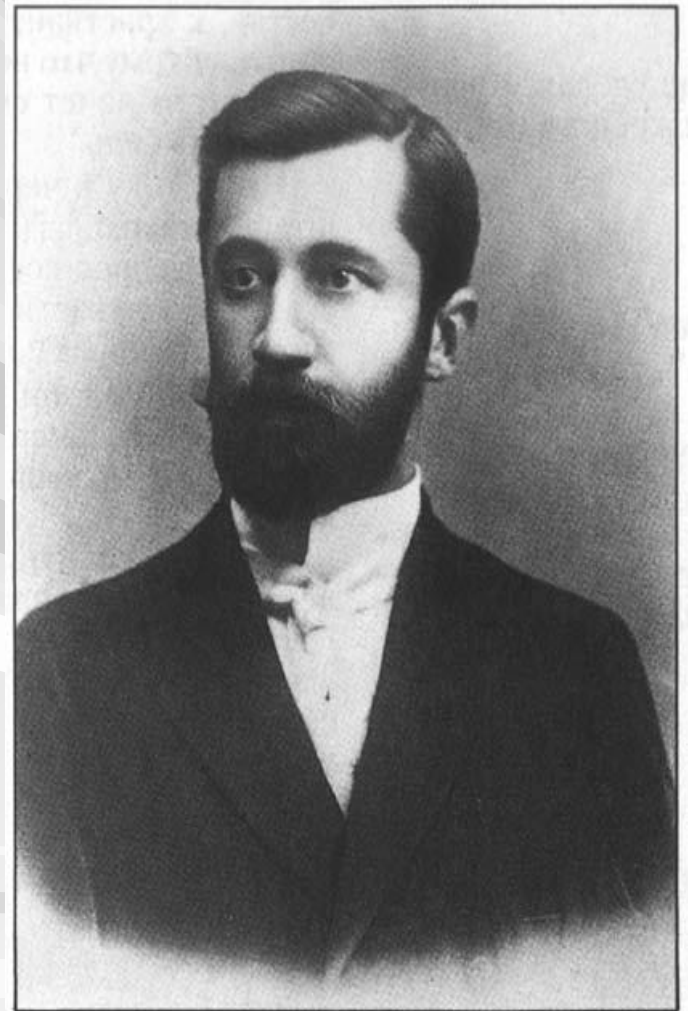

- *Дремлет Москва, словно самка спящего страуса,
Грязные крылья по темной почве раскинуты,
Кругло-тяжелые веки безжизненно сдвинуты,
Тянется шея – беззвучная, черная Яуза.
Чуешь себя в африканской пустыне на роздыхе.
Чу! что за шум? не летят ли арабские всадники?
Нет! качая грозными крыльями в воздухе,
То приближаются хищные птицы – стервятники.
Падали запах знаком крылатым разбойникам,
Грозен голос близкого к жизни возмездия.
Встанешь, глядишь...а они все кружат над покойником,
В небе ж тропическом ярко сверкают созвездия.*

- *В этом стихотворении Брюсов словно уводит нас в иную реальность, в иное измерение, он противопоставляет Россию с Африкой и сравнивает Москву с самкой страуса. В данном случае самка спящего страуса является символом Москвы. Повторение звуков гр – кр – рск – кр напоминают нам крики страуса. Все это навевает мистический трепет. Брюсов выбрал необычайный для русской поэзии размер – с разным количеством ударных слогов в строчках. Он показывает красоту безобразного (грязные крылья, стервятники, падаль). Мы как будто находимся в нереальном мире, космосе, где царит тишина и покой. В первой строфе через страуса Брюсов проводит аналогию с Москвой, говоря “Грязные крылья по темной почве раскинуты, Круглотяжелые веки безжизненно сдвинуты, Тянется шея – беззвучная, черная Яуза”, он имеет ввиду то, что Москву заполнила грязь и тени заняли все ее пространство. Она устала терпеть всю пошлость, которая заполонила все!*

Дмитрий Сергеевич Мережковский

- *"Мережковский при всей огромности дарования нигде недоволен: не до конца большой художник, не до конца пронизательный критик, не до конца богослов, не до конца историк, не до конца философ" — это высказывание А.Белого точно схватывает сущность жизненной и творческой драмы одного из создателей той блистательной и болезненной эпохи в истории русской культуры, которую ныне привычно именуют "серебряным веком". Эпоха никогда не забывала о своем "отце-основателе", но честь ему неизменно воздавала с холодностью и оговорками. Безусловная слава Мережковского-писателя и мыслителя, яркого критика и публициста всегда оставалась двусмысленной и "недоволенной".*

- *Мережковский утверждал, что: “...три главных элемента нового искусства – мистическое содержание, символы и расширение художественной впечатлительности”. Индивидуальное, личное переживание, по мнению Мережковского, только тогда ценно, когда оно дополнено не просто привычкой или самой острой плотской страстью, а чувством единения двоих в любви – настоящей, подлинной любви. Но и это еще не все. За тайной любви человеку должна открыться тайна новой общности людей, объединенных какими-то общими устремлениями. Естественно, легче всего такая связь могла осуществляться в религии, где люди связаны общей верой (ведь и само слово “религия”, “religio”, в переводе с латинского означает “связь”). Поэтому Мережковский в своей поэзии стремился доказать, что вся история человечества основана на повторяющемся из века в век противоборстве Христа и Антихриста, лишь воплощающихся в исторические фигуры. Для того чтобы спасти общество, русской интеллигенции необходимо, по его мнению, преодолеть атеизм. “Хама грядущего победит лишь Грядущий Христос”. Все это говорит о том, что Мережковский в своей поэзии отражает религиозную, мистическую позицию, выходя тем самым в иные миры и постигая там истину.*

- Не презирай людей! Безжалостной и гневной
Насмешкой не клейми их горестей и нужд,
Сознав могущество заботы повседневной,
Их страха и надежд не оставайся чужд.
Как друг, не как судья неумолимо-строгий,
Войди в толпу людей и оглянись вокруг,
Пойми ты говор их, и смутный гул тревоги,
И стон подавленный невыразимых мук.
Сочувствую горячо их радостям и бедам,
Узнай и полюби простой и темный люд,
Внимай без гордости их будничным беседам
И, как святыню, чти их незаметный труд.
Сквозь мутную волну житейского потока
Жемчужины на дне ты различишь тогда;
В постыдной оргии продажного порока –
Следы раскаянья и жгучего стыда,
Улыбку матери над тихой колыбелью,
Молитву грешника и поцелуй любви,
И вдохновенного возвышенною целью
Борца за истину во мраке и крови.
Поймешь ты красоту и смысл существованья
Не в упоительной и радостной мечте,
Не в блеске и цветах, но в терниях страданья,
В работе, в бедности, в суровой простоте.
И, жаждущую грудь роскошно утоляя,
Неисчерпаема, как нектар золотой,
Твой подвиг тягостный сторицей награждая,
Из жизни сумрачной поэзия святая
Польется светлою, могучею струей.*

- *Здесь автор выбрал форму напутствий, он как бы оформляет свое произведение по принципу библии, он словно пишет заповеди для поэта. Самая главная мысль этого произведения заключается в том, что поэту нужно опуститься на уровень простого народа и понять его. Мережковский считает, что поэт, прежде всего человек, поэтому он не должен отворачиваться от ближнего своего, он должен понять его и простить ему все. Автор говорит, что сердце поэта должно быть всегда открыто для чужих бед и болей; говорит ему истины, в которых поэт и познает вдохновение (ведь когда человек видит “Следы раскаянья и жгучего стыда, Улыбку матери над тихой колыбелью, Молитву грешника и поцелуй любви, И вдохновенного возвышенною целью, Борца за истину во мраке и крови.” - он не может устоять, и именно в эти моменты и возникает, приходит к нему истина, которую он так долго искал).*
- *Следующим напутствием поэту Мережковский говорит о том, что красоту и смысл существования он может постичь “Не в упоительной и радостной мечте, Не в блесках и цветах, но в терниях страданья, В работе, в бедности, в суровой простоте.” - этим Мережковский хочет сказать, что прекрасное надо искать не там, где все покрыто красивой оболочкой, а там, где царит страдание, бедность, нищета, ведь, чтобы понять смысл жизни поэту нужно пройти все эти этапы самому: бедному и суровую простоту, тернии и страдание. В конце автор говорит, что если поэту удастся пройти все эти препятствия на его пути, то муза сама найдет его. Это и будет, по мнению автора, венцом его скитаний.*

Зинаида Николаевна Гиппиус

- *ДАЖЕ* если бы Зинаида Николаевна Гиппиус не написала ни одной из своих книг, она все равно была обречена остаться в истории русской культуры XX века. Незаурядность ее ума, таланта, характера на протяжении десятилетий привлекала к себе внимание, пожалуй, всех выдающихся людей нашего столетия.
- Даже внешне она выделялась из общего круга. Надежда Тэффи вспоминала: "Одевалась она очень странно. В молодости оригинальничала: носила мужской костюм, вечернее платье с белыми крыльями, голову обвязывала лентой с брошкой на лбу. С годами это оригинальничанье перешло в какую-то ерунду. На шею натягивала розовую ленточку, за ухо перекидывала шнурок, на котором болтался у самой щеки монокль". А секретарь Мережковских Злобин, имевший возможность наблюдать Гиппиус в обыденной обстановке, признавался: "Странное это было существо, словно с другой планеты..."

- *В Тифлисе состоялась судьбоносная встреча Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского - молодого, но уже довольно известного поэта. Она как-то читала его стихи, опубликованные в петербургском журнале "Живописное обозрение". Даже запомнила имя, но сами рифмы тогда не произвели на неё большого впечатления.*
- *Через год, 8 января 1889 года Гиппиус и Мережковский обвенчались. Ей было 19, ему - 23. Они прожили вместе 52 года, не разлучаясь ни разу, ни на один день.*
- *Сразу после свадьбы Гиппиус и Мережковский переехали в Петербург, где они принимали гостей - поэтов, писателей, художников, религиозных и политических деятелей. Гиппиус стала царицей этого блестящего литературного салона. Не хозяйкой, а именно царицей. Хрупкая капризная девочка, которую поначалу воспринимали лишь как тень знаменитого мужа, сумела сломать все возможные стереотипы и завоевать среди современников титул "декадентской мадонны" - вдохновительницы и одного из самых беспощадных критиков своей эпохи.*
- *Зинаида Гиппиус в своих творческих идеях во многом следовала за Мережковским, ее роль в символизме была неотделима от роли мужа, потому часто оставалась почти незаметной. Но Гиппиус внесла в русский символизм стихию театральности, создала особый, "декадентский" стиль в жизни и творчестве*

*Любовь – одна
... Не может сердце жить изменой,
Измены нет: любовь – одна. 1896 г.*

*Душе, единостью чудесной,
Любовь единая дана.
Так в послегрозности небесной
Цветная полоса – одна.
Но семь цветов семью огнями
Горят в одной. Любовь одна,
Одна до века, и не нами
Ей семицветность суждена.
В ней фиолетовость и алость,
В ней кровь и золото вина,
То изумрудность, то опалость...
И семь сияний – и одна.
Не все ль равно, кого отметит,
Кого пронижет луч до дна,
Чье сердце меч прозрачный встретит,
Чья отзовется глубина?
Неразделимая нетленна,
Неуловимая ясна,
Непобедимо неизменна
Живет любовь, – всегда одна.
Переливается, мерцает,
Она всецветна – и одна.
Ее хранит, ее венчает
Святым единством – белизна.*

- *В первой строфе Гиппиус сразу вводит образ радуги, как символа любви. Она так же ярка и непредсказуема, ее нельзя угадать, понять, ее цвета завораживают; так же и любовь ярка в своих проявлениях и заставляет забыть обо всем. Любовь нам дана от бога одна, так же и радуга бывает лишь в одном случае – после грозы. Гроза отождествляется с человеческой жизнью, любовь бывает лишь однажды, так же как и каждая гроза имеет свою единственную радугу. Радуга настолько многолика и пестра, что ее нельзя определить одним цветом, так же и любовь многогранна в своих чувствах и проявлениях. Гиппиус говорит о том, что нет достойных или недостойных любви, нет избранных для этого чувства, ведь для любви не важно кто ты, перед нею все равны: “Не все ль равно, кого отметит, Кого пронизет луч до дна, Чье сердце меч прозрачный встретит, Чья отзовется глубина?” Любовь настолько противоречива, что человеческому разуму сложно постичь это чувство, поэтому она: “Неразделимая нетленна, Неуловимая ясна, Непобедимо неизменна Живет любовь, - всегда одна” В последней строфе Гиппиус говорит о том, что любовь светла, чиста и небесна, тем самым рисует ее образ белым цветом.*

Константин Дмитриевич Бальмонт

- Поэта Константина Дмитриевича Бальмонта традиционно относят к представителям старшего поколения русского символизма. Однако все его творчество нельзя признать чисто символистским. Для К. Бальмонта декадентство служило не только и не столько формой эстетического отношения к жизни, сколько удобной оболочкой для создания образа творца "нового искусства". Принятая поэтом личина "стихийного гения", эгоцентризм, доходящий до нарциссизма, с одной стороны, и вечное "солнцепоклонство", верность мечте, поиски прекрасного и совершенного - с другой, позволяют говорить о нем как о поэте неоромантического склада. При этом нельзя отрицать, что присущая К. Бальмонту "солнечность", стремление к постоянному обновлению ("Когда слушаешь Бальмонта - всегда слушаешь весну",- писал о нем А. Блок), способность "остановить мгновение", и при этом богатая палитра красок, свет и воздух, которые пронизывают его стихи, особенно ранние, придают его творчеству импрессионистический характер.*

- *К. Бальмонт написал 35 книг стихов, 20 книг прозы, Среди написанного им есть художественная и автобиографическая проза, мемуары, филологические трактаты, историко-литературные исследования и критические эссе, а также "записные книжки" и многочисленные письма. В 1910 г. поэт заявил, что через полвека будет издано собрание его сочинений в девяносто трех томах или выше. К. Бальмонт любил мистификацию, необычные поступки, нарочито пренебрегал условностями, что провоцировало появление многочисленных сплетен, анекдотов, таинственных историй. Театральность, эпатаж часто служили ему дурную службу (достаточно вспомнить строки "Я ненавижу человечество..." или "Хочу я зноя атласной груди... хочу одежды с тебя сорвать"). Однако он очень много работал, писал каждый день и очень плодотворно, всю жизнь занимался самообразованием, с легкостью изучал языки, интересовался не только литературой и искусством, но и естественными науками химией, ботаникой, геологией и др. При этом много путешествовал, объездил буквально весь свет, отдаваясь сладостному ощущению победы "над веками и пространствами", не только обогащаясь все новыми и новыми впечатлениями, но и погружаясь в историю, этнографию, фольклористику каждой новой страны.*

- *Бальмонт задает образец самоощущения и восприятия мира декадентом-символистом. Воплощение жизни как мечты, иллюзии, фантазии и взгляд на мир сквозь призму «я» поэта – все это провоцировало крайний субъективизм. Все окружающее подчиняется прихотливой подвижности лирического «я». Я – облачко, я – ветерка дыхание, – пишет Бальмонт и возводит в культ изменчивость, текучесть настроений и чувств, их мимолетность: Я не знаю мудрости, годной для других. / Только мимолетности я влагаю в стих, / Только в мимолетности вижу я миры, / Полные изменчивой, радужной игры. Лучшие всего такие эфемерные, вибрирующие ощущения передавались живописной импрессионистической техникой, как бы разрушающей зрительный образ. Впечатления ценны в своей первичной неясности, их объединяет не логическая связь, а ассоциативное сходство. И в стихи они ложатся как бусины на нити однородных членов: Неясная радуга. Звезда отдаленная. / Долина и облако. И грусть неизбежная. Мир стихов Бальмонта, как на полотнах художников этого стиля, размыт, распредмечен. Здесь господствуют не люди, не вещи и даже не чувства, а бесплотные качества, образованные от прилагательных существительные с абстрактным суффиксом «ость»: мимолетность, безбрежность, всегласность и т.д. Устремляясь, подобно другим символистам, к «синтезу искусств», Бальмонт наполняет русский стих беспрецедентной музыкальной инструментовкой, напористым потоком аллитераций и ассонансов, т.е. созвучиями согласных и гласных: Лебедь уплыл в полумглу, / Вдаль, под луною белея. / Ластятся волны к веслу, / Ластится к влаге лилея...*

- *Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.
И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертания вдали...
И какие-то звуки вокруг раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.
Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор...
И сиянием прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.
А внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.
Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.*

- *Определяя символистскую поэзию, Бальмонт писал: “Это поэзия, в которой органически...сливаются два содержания: скрытая отвлеченность и очевидная красота...” . В стихотворении “Я мечтою ловил уходящие тени...” , как легко убедиться, есть и “очевидная красота” и иной, скрытый смысл: гимн вечному устремлению человеческого духа от тьмы к свету. Тени ассоциируются с чем-то неосознанным, непонятным, недоступным, поэтому автор так и стремится постичь эту истину, познать ее.*

“Я на башню всходил, и дрожали ступени, И дрожали ступени под ногой у меня” Этот путь, словно шаткий ветхий мост над пропастью, каждый шаг – это риск, риск сорваться, не дойти до своей цели, упасть вниз.

- *“И чем выше я шел, тем ясней рисовались, Тем ясней рисовались очертания вдали...*

И какие-то звуки вокруг раздавались, Вкруг меня раздавались от Небес и Земли” Чем ближе автор приближался к заветной цели, тем яснее он видел то, к чему стремился, видел истину.

“А внизу подо мною уж ночь наступила, Уже ночь наступила для уснувшей Земли, Для меня же блистало дневное светило, Огневое светило догорало вдали” То есть, не смотря на то, что его окружал уже полный мрак, он видел впереди свет, свет, который освещал ему весь путь.

“Я узнал, как ловить уходящие тени, Уходящие тени потускневшего дня, И все выше я шел, и дрожали ступени, И дрожали ступени под ногой у меня” В последней строфе автор говорит о том, что он все-таки познал истину, он нашел то, что искал.

Бальмонт воспевал космической красоты.

В своей записной книжке Бальмонт писал: “У каждой души есть множество ликов, в каждом человеке скрыто множество людей, и многие из этих людей, образующих одного человека, должны быть безжалостно ввергнуты в огонь. Нужно быть беспощадным к себе. Только тогда можно достичь чего-нибудь”.

Андрей Белый

- *Андрей Белый, (наст. имя Бугаев Борис Николаевич) (1880-1934), русский писатель, филолог, философ, теоретик символизма.*
- *Осенью 1903 Белый и группа его чутких к мистическим «зорям» единомышленников (Эллис, А.С.Петровский, С.Соловьев, В.В.Владимиров, М.И.Сизов и др.) составили кружок «аргонавтов». «Аргonautы» пестовали особую мифологию «жизнетворчества», поклонения воспетой Вл.Соловьевым Вечной Женственности (в кружке, соответственно, царил культ ранних стихов Блока о Прекрасной Даме), следования символическим путем мифического корабля «Арго» в «Колхиду» за «Золотым Руном» — то есть познания мистических тайн бытия.*
- *Увлечения соловьевскими идеями эсхатологии, теократии, Вечной Женственности накладывались на ницшеанские ощущения катастрофичности жизни и раскрепощения «сверхчеловеческой» личности.*

- *Андрей Белый создал свой особый жанр – симфония – особый вид литературного изложения, по преимуществу отвечающий своеобразию его жизненных восприятий и изображений. По форме это нечто среднее между стихам и прозой. Их отличие от стихов в отсутствии рифмы и размера. Впрочем, и то и другое словно произвольно вливается местами. От прозы – тоже существенное отличие в особой напевности строк. Эти строки имеют не только смысловую, но и звуковую, музыкальную подобранность друг к другу. Этот ритм наиболее выражает переливчатость и связность всех душевностей и задушевностей окружающей действительности. Это именно музыка жизни – и музыка не мелодическая...а самая сложная симфоническая. Белый считал, что поэт-символист – связующее звено между двумя мирами: земным и небесным. Отсюда и новая задача искусства: поэт должен стать не только художником, но и “органом мировой души...тайновидцем и тайнотворцем жизни”. От того и считались особенно ценными прозрения, откровения, позволявшие по слабым отражениям представить себе иные миры.*

• *Тело стихий
В лепестке
лазуревато-лилейном
Мир чудесен.
Все чудесно в
фейном, вейном,
змеином Мире
песен.
Мы – повисли, Как
над пенной
бездною ручей.
Льются мысли
Блесками
летающих лучей.*

- *Автор способен увидеть красоту даже в самых нелепых, неприхотливых предметах “В лепестке лазуревато-лилейном” . В первой строфе автор говорит, что все вокруг чудесно и гармонично. Во второй строфе строчками “Как над пенной бездною ручей. Льются мысли Блесками летающих лучей” Автор рисует картину ручья, водопада низвергающегося вниз, в пенную бездну, и от этого в разные стороны разлетаются тысячи мелких сверкающих капелек, так льются и человеческие мысли.*

Вячеслав Иванович Иванов

- *Бердяев считал Иванова «самым утонченным и универсальным по духу представителем не только русской культуры начала 20 в., но может быть вообще русской культуры»*
- *Петербургское крыло символизма, духовным лидером которого был Иванов, проповедовало надындивидуальное, соборное начало в культуре. В 1907 для выражения этих идей Иванов организовал издательство «Оры» – в противовес издательству московских символистов «Скорпион», в котором проповедовалась самоценность искусства*

- *Старинные речения, непривычный синтаксис, необходимость улавливать самые малоизвестные значения слова делают стихи Иванова очень сложными. Даже в тех стихах, которые кажутся совсем простыми, множество потаенных смыслов. Но мудрая простота, понятная любому в них тоже встречается.*

- *О розе амброзийных нег
Не верь поэта баснословью;
Забудь Киприды ризу вдовью,
Адониса живой ковчег.
Что, древле белая, как снег,
Она его зардела кровью,
О розе амброзийных нег
Не верь поэта баснословью.
Завиден пастыря ночлег.
Зови богиню к изголовью;
О ней мечтай, - пронзен любовью, -
Из волн ступающей на берег,
О розе амброзийных нег.*

- *Расцвет русского символизма пришелся на девятисотые годы, после чего движение пошло на убыль: в рамках школы больше не появляются значительные произведения, возникают новые направления – акмеизм и футуризм, символистское мироощущение перестает соответствовать драматическим реалиям «настоящего, некалендарного XX века». Анна Ахматова так охарактеризовала ситуацию начала десятых годов: «В 1910 году явно обозначился кризис символизма, и начинающие поэты больше уже не примыкали к этому течению. Одни шли в футуризм, другие – в акмеизм. <...> Несомненно, символизм был явлением XIX века. Наш бунт против символизма совершенно правомерен, потому что мы чувствовали себя людьми XX века и не хотели жить в предыдущем».*
- *На русской почве проявились такие особенности символизма, как: многоплановость художественного мышления, восприятие искусства как способа познания, заострение религиозно-философской проблематики, неоромантические и неоклассические тенденции, интензивность мироощущения, неомифологизм, мечта о синтезе искусств, переосмысление наследия русской и западноевропейской культуры, установка на предельную цену творческого акта и жизнетворчество, углубление в сферу бессознательного и др.*
- *Символизм положил начало модернистским течениям в культуре 20 в., стал обновляющим ферментом, давшим новое качество литературы, новые формы художественности.*